

Марианна вздрогнула от ужаса.

Еще одну Сару Дюмон держали в плену во втором контейнере, но ей не хватало не только ног. В чане с зеленой жидкостью плавала только ее красивая голова, рядом с позвоночником, бьющимся черным сердцем, и пораженными раком легкими. Взгляд существа метался между Бертраном и его госпожой, но в его глазах не было и намека на разум.

Мыслительный процесс Марианны замер, когда она попыталась осмыслить увиденное перед собой. Дворянка медленно подняла фонарь, чтобы получше рассмотреть вокруг себя пещеру.

Вернее, лабораторию.

Ее фонарь не был достаточно ярким, чтобы все увидеть, но, то небольшое, что он освещал, потрясло Марианну до глубины души. Два чана у входа были лишь первыми из многих, одни были разбиты, другие относительно целы. В одном был человеческий эмбрион-мутант с огромной головой; в другом - извращенное издевательство над Сарой Дюмон с удлинненными руками и клыкастым ртом. Перед психическим зрением Марианны оба казались живыми, а бронзовые трубы качали в свои стеклянные тюрьмы воду и питательные вещества.

В воздухе висел металлический привкус, а каменную землю окрашивали маленькие лужицы алхимических субстанций. Марианна осторожно прошла мимо покрытых пыльными пятнами крови верстаков и вдруг заметила на одном из них вырезанную из человеческого черепа уродливую чашу. Кто-то наполнил ее черными волосами и парой полусгнивших серых глазных яблок.

Когда Марианна соединила точки, ужас сменился яростью. Она подошла к следующему столу и обнаружила жуткий ассортимент инструментов мясника, трактаты по вивисекции и наполовину нацарапанные заметки по анатомии.

Кто-то пытался воссоздать Грааль Последователей и в качестве сырья использовал клонов Сары Дюмон.

Мрачная лаборатория, казалось, тянулась вечность. Тот, кто ее использовал, собрал вместе сломанные контейнеры и бывшие в употреблении инструменты. Его работа была ужасно гротескной и не подходила ни для какого профессионального биоманта.

Тот, кто использовал это место, явно был новичком. Глубоко невменяемым новичком, но все-таки новичком.

Но, почему именно Сара Дюмон? Недоумевала Марианна. Одержимость ею биоманта была очевидна, а ресурсы этой лаборатории можно было бы использовать на многое другое. Что сделало Сару особенной? Была ли она для Грааля каким-то образом лучшим материалом?

И что это значило для Вальдемара?

Марианна взглянула на Бертрана, собираясь спросить, не почувствовал ли он что-нибудь, но вампир приложил палец к своим губам до того, как она успела открыть рот. Затем он указал на свои уши, и его госпожа сразу поняла.

Они были не одни.

Марианна молча огляделась, готовая нанести удар при первых же признаках опасности. Ее психическое зрение улавливало в комнате какие-то формы жизни, но, всякий раз, когда она смотрела в их сторону, она оказывалась лицом к лицу только с деформированным клоном.

Бертран указал на свой нос, а затем на окутанную тьмой область лаборатории. Хотя лаборатория была хаотична и бессистемна, в этой части пещеры отсутствовало какое-либо оборудование. Широкое пространство более двадцати метров в диаметре осталось нетронутым.

Эта часть пещеры была ничем не примечательна, если не считать странного круглого бассейна в центре. В нем пузырилась неведомая субстанция, мерзкая смола, черная, как чистейшая тьма.

Ее вид наполнил Марианну смесью жажды и отвращения. Она почувствовала первобытный призыв выпить это мерзкое масло и позволить ему течь внутри себя. Это сделало бы ее лучше. Она никогда не состарится, а ее навыки никогда не ослабеют. Ее чувства стали бы острее, чем у любого зверя, а ее кожа была бы гладкой и прочной, как сталь. Никто не сравнится бы с ней по силе, и никто не попытается заставить ее снова выйти замуж.

Марианна будет свободна.

Или она умрет.

Марианна знала на первобытном уровне, что употребление этого масла может ее убить. Инстинкт самосохранения кричал ей, чтобы она убегала, чтобы избежать искушения. Это была среда для чего-то мощного, слишком сильного, чтобы его можно было удержать. Она будет гореть изнутри, как мотылек, пожираемый пламенем.

Жизнь или смерть.

Когда эти два инстинкта тянули ее в разные стороны, Марианна чувствовала себя умирающей от жажды женщиной, которой предложили чашу с ядом. Ее психическое зрение, пытаясь уловить истинную природу этого вещества, буквально обезумело. Оно казалось живым, непостижимым, но знакомым. Что-то, что зывало к ее плоти и душе, говоря ей присоединиться к этому божественному союзу.

Вызов был коварным, и к тому времени, когда Марианна поняла, что происходит, она уже сделала три шага в сторону бассейна. Нет, подумала она, изо всех сил пытаюсь отвернуться. Ненадолго ослепив себя магией, она отключила свое мистическое зрение и закрыла глаза на гнусное обещание этой... той штуки.

Бертрану повезло меньше. Ее слуга-вампир, облизывая клыки, смотрел на бассейн с зачарованным ужасом, а его тело дрожало от напряжения. Хотя он и не пошел вперед, он изо всех сил пытался ухватиться за рукоять своего оружия. Его глаза, краснее, чем когда-либо, были как у одержимого.

— Бертран, — прошептала Марианна. Хотя ее вассал велел ей хранить молчание, она видела, что он проигрывает битву. — Бертран, отвернись. Бертран...

В бассейн сверху упала черная капля.

Марианна инстинктивно подняла голову и подняла к потолку фонарь.

В камне наверху слабо светился огромный символ, так слабо, что она едва смогла его разглядеть. Две кривые, соединённые в кубе, прорезанном отвратительной органической трещиной. Линии, составляющие этот символ, смыкались и размыкались без рифмы и причины, гноясь черным маслом, как кровавая рана на коже мира.

Это была кровь.

Это черное масло было кровью чего-то большего, чем любой человек, чего-то, что звало все живые существа на гибель, так же, как пламя искушает мотыльков. Это был божественный нектар, который должен был содержать Грааль - изначальный флюид, дарующий либо бессмертие, либо забвение.

Марианна от этого кровоточащего каменного глаза не могла отвести взгляд и едва заметила черную мохнатую фигуру, ползущую по потолку прямо над ее головой...

Мечница внезапно вернулась к реальности. — Бертран! — слишком поздно выкрикнула она, когда крыса уронила на них блестящую фляжку. Ее слуга, не в силах отвести взгляд от черной лужи, не сдвинулся ни на дюйм.

Не имея другого выхода, Марианна взялась за своего слугу-вампира. Удар нарушил транс Бертрана, и вампир превратился в облако тумана как раз в тот момент, когда фляжка упала на землю. Вещество внутри нее взорвалось яркой вспышкой света.

Марианна, спасая глаза от ослепления, инстинктивно прикрыла голову рукой. Белый свет был достаточно сильным, чтобы осветить пещеру, но не только. Бертран закричал от боли, его неясное тело превратилось в гуманоидную форму и рухнуло на пол.

— Бертран! — Марианна попыталась спасти своего друга, но, хотя ей удалось избежать самой сильной вспышки, внезапный яркий свет ослабил ее зрение. Она едва могла различить возле бассейна фигуру вампира, и, прежде чем она успела до него добраться, слева от Марианны что-то с громким стуком приземлилось.

Только годы тренировок позволили дворянке увернуться от нацеленного ей в горло кинжала, и она при движении все же уронила фонарь. Контейнер разбился о землю, и между Марианной и нападавшим вспыхнуло его пламя. Она немедленно использовала магию, чтобы исцелить глаза.

Ее противник не дал ей оправиться от шока и со смертоносной скоростью перепрыгнул через разбитый фонарь. Марианна с рапирой быстро бросилась вперед и застала существо врасплох, их лезвия столкнулись. Она посмотрела в налитые кровью красные глаза своего врага, и дворянка с идеальной ясностью вспомнила слова Клиппота в деревне - то, что сказал барон Александр Верни о странной, отвратительной крысе, которая повсюду его сопровождала.

Это была вовсе не крыса.

Чудовище перед ней не было ни человеком, ни грызуном, а ужасным промежуточным звеном между ними двумя. Зверя покрывали тряпки и слой черного меха, за исключением его когтистых рук, грязной морды и удлиненного хвоста. У его морды были изогнутые уши и длинные острые клыки, которые хватили ее со звериной яростью. Два его кинжала были скрещены, едва удерживая рапиру Марианны от того, чтобы она пронзила его горло.

Рыцари приняли эту штуку за грызуна-мутанта, а не за младенческую форму чего-то гораздо, гораздо более опасного. Чего-то разумного и смертельно опасного.

— Ты - сектант, — поняла Марианна. Бертран извивался на земле на краю ее поля зрения, вся его кожа была покрыта ожогами. — Последний последователь Грааля.

— Мастер Александр мертв, — прохрипел монстр слишком человеческим голосом, и с нечеловеческой силой оттолкнул Марианну. — Но, добрый Шелли никогда не колебался в своей преданности!

Марианна попыталась выпотрошить монстра и прикончить его, но его хвост, как хлыст, ударил ее сбоку по голове. Она опустила спину, чтобы увернуться, и зверь тут же попытался ударить ее под другим углом.

Мечница точным парированием обезоружила одну из рук своего противника и увернулась от другого кинжала. Двигаясь с поразительной скоростью, человек-крыса своей только что освободившейся рукой схватил ее за горло.

Марианна, хватая ртом воздух, попыталась ударить зверя в сердце, но крыса выронила второй кинжал и схватила ее за запястье. Ее рапира все равно сумела разрезать его грудь и пустить

кровь, но недостаточно глубоко, чтобы пробить сердце.

— А теперь, — сказал человек-крыса, одной рукой поднимая Марианну над землей, а другой отталкивая ее меч. — Шелли будет пировать!

Его клыки, острые и голодные, впились в лицо Марианны.

<http://tl.rulate.ru/book/63771/1820038>